

Виктория Соколова

Кольцо
купеческой дочери

Виктория Соколова

Кольцо купеческой дочери

«Автор»

2025

Соколова В. А.

Кольцо купеческой дочери / В. А. Соколова — «Автор», 2025

Купеческой дочери очень повезло: ее берет замуж сам царь в благодарность за заслуги ее отца. Но накануне того дня, когда за Софьей должна была приехать карета и отвести во дворец, ее служанка идет в дремучий лес к грозной Бабе-Яге и умоляет поменять их местами. Служанке и самой хочется стать царицей...

© Соколова В. А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Варвара. 1 глава	5
Варвара. 2 глава	8
Варвара. 3 глава	11
Софья. 4 глава	14
Варвара. 5 глава	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Виктория Соколова

Кольцо купеческой дочери

Варвара. 1 глава

"Нам, подневольным людям, с ними житья нет", – думала Варвара, поднимаясь по полному склону к хозяйкиной усадьбе. В руках она несла небольшую плетеную корзинку, из которой то и дело выпадала самая сочная вишня. В полдень весь их городок сидел по домам, но куда там! Хозяйкина прихоть. Софья Дмитриевна велела, чтобы ее гостю обязательно поднесли вкуснейшую вишню, которая вызрела на другом конце города. Варвара бы плюнула и нарвала у соседей, но хозяйка точно знала, сколько времени идти туда и обратно. Для этого и посылала – чтоб надолго отлучилась. Не мешала ей и гостю свои дела обсуждать.

А ты, милая, изволь пройтись под июньским пеклом. Варвара страсть как не любила, когда к ее и так многочисленным обязанностям добавлялись новые, из-за которых Софья ее еще больше попрекала.

Стоило Варваре толкнуть калитку к себе на двор, как ее свистом окликнула соседская девушка. Поджидала, видно. Варвара неторопливо подошла к изгороди.

– Ну? – спросила она пренебрежительно, перекинув темную и вялую косу через плечо.

– Варька, а что это твоя хозяйка секретничает? – спросила курносая и лунолика Палашка. – Окна занавешивает, тебя, вон, отсылает. Аль кто важный приезжает? Уже пол месяца приезжает. Не жених ли? Софья такая красавица, давно пора. А если не жених, то беда...

– Не твоего ума дело! – обозлилась Варвара. – Иди прочь, не то я тебя мигом отучу под окнами подслушивать!

– Да ты сама небось ничего не знаешь, – с презрением ответила Палашка, а потом округлила глаза: – Что – правда не знаешь? Живешь в одном доме и не знаешь! Все на ушах, не отдерешь от ваших ворот, а ты не знаешь, что это за молодец к твоей хозяйке ездит? Ну Варвара...

– Иди отсюда! Нашлась гусыня меня учить!

Палашка показала язык и убежала, а Варвара с пылающими щеками поднялась на крыльцо дома и зашла в сени. При ее появлении разговор в горнице смолк, и Варвара в полной тишине вымыла вишню и переложила ее в миску.

– Отведай на дорогу, – сказала Софья своему гостю. Варвара только и осмелилась, что искося взглянуть на него, но сразу обомлела: красавец! Какой красавец... Она еще ни разу не видела его так близко. Высокий, статный, волосы что солнце, кафтан такой, что даже она, кто служит в доме у купца, никогда таких хороших не видела. Пока он пробовал вишни, Варвара смотрела в пол и чему-то улыбалась. – А ты, иди-ка отсюда, – велела ей хозяйка, и Варвара покорно прошла мимо гостя на задний двор. Но тут же обежала дом и спрятался за углом, чтобы посмотреть, как он будет уезжать. Красавец надолго не задержался. Варвара видела, как он сошел с крыльца, вывел своего коня за забор, запрыгнул в седло не по-здешнему и уехал. Софья, обняв себя за плечи, стояла на крыльце и смотрела ему вслед. Две толстые каштановые косы сбегали по ее спине, а темно-зеленый сарафан делал ее молочную кожу поистине белоснежной.

– Я что сказала? – крикнула Софья сверху, заметив служанку, и Варвара убежала заниматься домашними делами.

"Еще бы руки ее не были белыми, а мои огрубевшими. Как ей не быть красавицей, а мне никакой. Ниже ее, костлявее, что и глазу не за что зацепиться... На барских харчах все проще."

Соседка Плашка дело говорила: весь город только и судачил, что о Софьиным госте. На базаре уверяли, будто он оставляет в лесу целую гвардию, а к Софье приезжает один, точно и не знатный вовсе. Так и решили, что очень знатный.

Хозяйке ее давно пророчили хорошего жениха да иначе и быть не могло: отец ее, хотя и не был кичливый, но у самого царя торговал! Пока он находился в отъезде, Софья содержала дом. Софья управлялась с хозяйством так же ловко, как с веретеном, а с веретеном ей в округе не было равных. И с пядьцем, и все-то ей удавалось. Не будь она так обходительна и не люби ее всякий, кто с ней заговорит, давно бы уже заключили, что она ведьма.

И вот приехал этот незнакомец, и хозяйка сделалась рассеянной, себе на уме, начала часто запирается и огрызаться на Варвару за то, что та знала ее тайны.

В самый первый раз Софья еще не придумала скрытничать, и Варваре удалось подсмотреть в окно их объяснение. Она застала только середину и могла лишь губы кусать от досады, что ничего не слышала. Хозяйка сидела за столом и плакала, а незнакомец стоял перед ней с шапкой в руках. Потом он заметил ее, и Варваре пришлось убежать. В следующий раз Софья, разгневавшись, заперла ее в подвале, а потом стала посылать по различным поручениям всякий раз, когда гость приезжал. А приезжал он еще дважды.

– Варвара, – окликнула ее Софья за обедом. – Чтобы все мои вещи были собраны в сундуки до зари.

– Все?..

– Только самое нужное. Остальное оставь – потом за ними пришем, если понадобятся. Хотя я сомневаюсь, – последнее она пробормотала себе под нос.

Варвара весь день провозилась за сборами. Софья несколько раз прикрикивала на нее за нерасторопность, но в итоге к ужину Варвара управилась. Подавая к столу, она все пыталась подольститься к хозяйке, пододвигая к ней ее любимые блюда и подливая вина в бокал. Обычно барыня не брала алкоголь в руки, но тут не спорила и быстро все выпивала.

Посреди вечера она внимательно посмотрела на Варвару, которая сидела рядышком на скамейке и сказала не без вызова:

– Я выхожу замуж.

Варвара опешила.

– Этот человек?

– Да, он.

– Так я Вас поздравляю, Софья Дмитриевна! Какое счастье...

Софья только сказала:

– Суженый мой, тот, кто ездил, – это наш царь.

– Царь! – ахнула Варвара.

Софья, наконец, посмотрела на нее и, видимо, прочитав что-то на ее лице, невесело улыбнулась.

– Да, во дворце теперь будем жить. Только ты не обольщайся. Там нас никто не ждет. Я дочь купца, незнатная (и все приданое мое погублено иноземцами). Бояре съедят меня. Вещи собраны?

– Да, Софья Дмитриевна.

– Смотри мне. Я твоих оправданий терпеть сейчас не намерена.

– Да что Вы, хозяйка, все взяла!

– Нaley еще. Ах, голова моя, головушка. Завтра ехать, встречать их... А сегодня он сам обрадует. Боязно мне. Предчувствие нехорошее, будто не стоит мне ехать.

– Отчего же нехорошее? Аль не любите вы его?

– Что ты мелешь! Кабы не любила, стала бы голову совать в осиное гнездо ради него? Молчи, Варвара, молчи, не до тебя сейчас. Слушай лучше. Видишь это кольцо? Из-за него мой отец погиб. Хотел мне подарок сделать, наверное... Это камень Алатырь в каждом. Они бились

об заклад с царем, что он сможет выторговать у Водяного царя чудесного жеребца, какого нет ни у кого на этой земле. Не смог, украл. А с ним вместе и кольцо, украшенное Алатырь-камнем, забрал из дворца Змея. Вот оно, это кольцо, мне его царь отдал – как обручальное. Кто бы еще знал, за что змей больше взярылся – за кольцо или за коней. Все это мне царь рассказал сам, когда первый раз приезжал. Коня и камень батюшка передал своему верному другу, который с ним же был там, Садко, а тот отвез царю в Старгород. Отца моего настигли твари Водяного... Как сердце у меня беспокойно! Будто чувствует что-то. Ноет. – Она посидела какое-то время молча, крутя кольцо в руке, а потом встала. – Ночь уже на дворе, я все сижу с тобой. Сама тоже ложись. Завтра трудный день.

Варвара убрала со стола, подождала, пока совсем не стемнеет, и тайком выбежала через задний двор на улицу. С собой она взяла только зажженную лучину.

Кругом было тихо, как на кладбище в будний день. Варвара шагала быстро-быстро, не переходя, однако, на бег, и вскоре оставила за спиной мирно сопящее село. Впереди простерся луг, серебристо-серый под луной, и крошечная лесная чаща, которая и в самый жаркий полдень не казалась проходимой. Всегда там царил мрак, не затронутый ни порывом ветра, ни лучом света, ни человеком, если тот знал, где обойти. Свирепые деревья стояли в ряд куда только хватало глаз и надо было запрокидывать голову, чтобы увидеть их разлапистые верхушки.

Варвара ступила на единственную полузаросшую тропинку, ведущую вглубь леса, и смело прошла по ней. Как только над ее головой сомкнулись хвойные лапы, Варвару обдало холодом. Она замедлилась, но решила ни за что не останавливаться, пока не найдет того, что искала.

Лучины хватало, чтобы осветить тропу на два-три шага вперед. Кроме этого не было ничего – вот был весь ее мир. Время будто закончилось. По сторонам Варвара не смотрела, боясь увидеть то, что заставит ее повернуть назад.

Раз только она вскрикнула – увидела мертвую сороку у себя на пути, но и тут переступила. Лучина догорала. И вдруг в полутьме ей померещилось, что налево отходит еще одна тропка, неразличимая за деревьями. Варвара потушила остаток лучины и стала пробираться туда. Ветки удерживали ее, она упрямо продиралась сквозь них, почти падая вперед, и вдруг вышла на полянку, посреди которой стояла избушка на двух столбах.

Нашла!

Избушку окружал забор из костей. Сверху на частокол были насажены людские черепа, которые сияли белизной выпуклых лбов. Преодолевая омерзение, Варвара толкнула калитку.

Избушка была маленькой, почти нищенской, ни окон, ни дверей. А столбы оказались и не столбами вовсе, а двумя огромными куриными ножками.

Варвара, благославляя свою удачу, крикнула:

– Избушка-избушка, стань к лесу задом, ко мне передом!

И избушка повернулась.

Варвара. 2 глава

Избушка, как живая, присела на корточки, чтобы впустить ее, и Варвара не медля, ступила на порог. Едва она протиснулась внутрь, дверь захлопнулась, – так захлопывается пасть собаки, откусившей сочный кусок мяса.

Пол заходил ходуном, и Варвара, чуть не падая, уперлась руками в стены и потолок. Дом был таким тесным, что, стоя посередине, она могла дотронуться до двух противоположных стен. Когда изба перестала трястись и скрип прекратился, Варвара догадалась, что это она, наверное, разгибалась.

Старуха лежала на узкой скамейке в дальнем углу, сложив руки на животе и закрыв глаза. Седые волосы торчали в разные стороны. Нос ее, изогнутый, как засохшее дерево, выдавался сильно вверх. Вдруг она жадно втянула воздух, и кривой нос затрепетал.

– Тьфу-тьфу! – забрюзжала Баба Яга. – Человеком пахнет! Кто пожаловал?

Варвара сделала шаг вперед, почти дотрагиваясь коленями до полуприкрытой костяной ноги. Ей не было причин бояться. В тот раз старуха ей ничего не сделала.

– Ты меня, бабушка, – сказала она, – сначала накорми, напои, а потом и спрашивай.

"Отведай пищи в моем доме и позабудешь о своем. Но-но, не лупи на меня глаза, девочка, ешь спокойно, ты ужин сама наготовила, тебе ничего не будет пока. Но когда вернешься взрослой девой, попомни мои слова", – так учила ее Яга в те три дня и три ночи, что маленькая Варвара прожила у нее на побегушках. До рассвета старуха улетала в ступе, а девочке наказывала прибрать избу и наготовить еды к ее возвращению. Никогда она не прилетала до заката и никогда Варвара не видела ее при свете дня. Вечерами старуха бранила ее, давала новые поручения и ложилась на скамью. Варваре приходилось спать, свернувшись клубочком на полу. На четвертое утро Яга дала ей мешок зерна, о котором она и пришла просить в неурожайную голодную осень.

Мачехе ее возвращение было как кость в горле. Хотела видно, чтобы нелюбимая дочь мертвого мужа тоже скончалась – в животе у известной людоедки Бабы Яги. Но от нее Варвара видела больше доброты, чем от отцовской жены и ее двух сводных сестер, которые после той истории прозвали ее ведьмой.

– А, вернулась, красна девица! – осклабилась Яга, вставая. – Садись – потчевать тебя буду!

Она громко стукнула костяной ногой по полу.

Варвара только села за стол, как Яга уже начала доставать из-под половиц, из-за кушетки и с печки всякую снедь и ставить перед Варварой. Две тарелки с травянистой похлебкой, два ломтя хлеба, два стакана с непонятной жижей.

Суп был кислый, хлеб – черствый, компот лип к горлу, но Варвара ела как не в себя. Ее охватил дикий жор.

– Ну, говори, зачем пожаловала? – спросила Яга.

– Ах, бабушка, мне без него свет не мил! Помоги мне или в воду.

– Ой, страсти-то какие! Это кто ж такой?

– Царь наш Ярослав.

Злая старуха прищелкнула языком.

– Без царя понятно, что не мил.

Варвара не позволила себя сбить.

– Он повадился к барышне моей ездить, а меня и не замечает. Замуж ее зовет, во дворец зовет, а я с ней – служанкой! – Варвара в отвращении фыркнула. – Буду я в хлеву царском, а она – в опочивальнях, весело как! Она в шелках и жемчугах ходить, вина заморские пить, а

я стирай-прибирай. Хочу, чтоб наоборот. Хочу, чтобы она стала служанкой, а я царевной! – И она ударила себя в грудь.

Яна, жевавшая беззубым ртом хлеб, гаркнула:

– Нет. Не во власти это моей.

– Как! Ведь тебе и день, и ночь, все подвластно!

– Чтобы один человек другим стал – этого я не понимаю, как сделать. Но можно сделать так, чтобы ты и она стали будто на одно лицо.

– Ну вот-вот! – воскликнула Варвара, ликуя и почти подпрыгивая.

– Тогда ты ее место займешь. А ее надо будет... – Яга остановилась и твердо посмотрела на собеседницу. Варвара никогда не думала, чтобы у нее было такое серьезное и мрачное лицо, такие умные и холодно-насмешливые глаза. На секунду они просто замерли одна напротив другой.

– Что? – сказала Варвара наконец и удивилась звучанию своего голоса: они будто обсуждали торговые вопросы, как давеча покойный купец Дмитрий Замарин со своими партнерами, приехавшими издалека к нему домой.

– Что-что, – фыркнула Яга. – Сама понимать должна.

– Извести? – спросила Варвара дрогнувшим отчего-то голосом. Яга весомо кивнула, не спуская с нее пытливого птичьего взгляда. – А по-другому никак?

– Нет!

– Чтобы она мой облик приняла, служанкой, как я, стала?..

– Сказано тебе – нет! Не хочешь – я тебя заставлять не буду, у меня дел довольно, чтобы слушать еще девчоночки склоки...

– Нет, постой! – Варвара в отчаянии удержала ее за руки. – И царицей я стану? – уточнила она тихо.

– Уж будь покойна!

– И царь любить меня будет?

– Как ее любит.

– И во дворце буду жить?

– Как она бы жила.

– И иначе никак?

– Никак.

– Тогда я согласна! Сделай это.

Яга пронзительно расхохоталась, напугав Варвару до полусмерти, так что она даже пошевелиться не могла.

– Мне-то она на что сдалась? – презрительно фыркнула Яга, успокоившись. – Нет, ты сама, родимая, своими белыми ручками все сделаешь и ее на тот свет отправить, иначе толку не будет. Но ты пока не соглашайся... Посмотри лучше, что с тобой потом будет, когда смерть придет! – И, оглядев избу орлиным взором, крикнула: – Ну-ка, гады морские, твари лесные, устроила я пир, ползите со всех щелей!

Тут же откуда ни возьмись налетели пузатые жабы, визжащие мыши, крысы размером с кошек, полчища жуков, змеи, ящеры, и все начали терзать хлеб, недоеденный Варварой, и облизывать тарелку, оставшуюся после нее. В ужасе Варвара смотрела, как гады ползали или ковыляли по столу. Она отбросила с юбки мышь, упавшую ей на колени, и тут же прямо перед ней змея, медленно извивающаяся по столу, пожрала стайку мышей вместе с похлебкой, которую те облизывали.

– Прочь теперь! – прикрикнула ведьма, и все твари исчезли во всплеске белого порошка. – Как терзают твой хлеб, так будут терзать твою душу после смерти. Что, хочешь еще, чтоб я тебя научила, как хозяйку извести и царицей стать?

Варвара остекленевшими глазами смотрела на стол, а потом как засмеялась.

– Хочу! Ничего не боюсь. Что мне душа, я за царя замуж пойду, царицей буду! Мне душа не нужна.

– Хорошо!

Не медля, старуха достала из-за пазухи жабу, положила ее на стол перед Варварой и, придерживая брыкающееся животное одной рукой, велела:

– Возьми нож и убей ее.

Варвара сделала, как велено.

– А теперь достань желудок.

Опять Варвара не спрашивала.

Яга подали ей миску, велела кинуть туда желудок и сама стала бросать туда разные травы и смешивать. Потом достала из-под лавки длинный нож и окунула его в зелье.

– Этим ножом выпусти кровь из лица твоей барыни, пропитай свой платок ее кровью и накинь платок себе на лицо. Тогда исполнится твое желание.

Варвара спрятала нож в карман и поклонилась старухе.

– Теперь ты у меня в услужении, – объявила с видимым удовольствием Баба-Яга. – Я пришлю за тобой, когда понадобится.

Варвара. 3 глава

На следующее утро Варвара встала вместе с петухами. Их крики показались ей пронзительными и неприятными и она поскорее вышла из сеней на порог, чтобы шугануть птиц. Неторопливо Варвара оделась и завязала тугую косу. Софья не любила кричать и никогда не звала ее через весь дом, даже если Варвара ей чем-то не угождала, но тут барыня всерьез прикрикнула на нее за опоздания. Поглядев на ее бледные щеки, которых никакой румянец не спасал, Варвара заключила, что барыня всю ночь проворочалась без сна. “И чего боится, дура?”, – с презрением подумала Варвара, которая, напротив, как только вернулась, уснула мертвым сном.

Нервным требовательным голосом Софья потребовала немедленно надеть на нее отобранное ночью платье, а потом вместе с Варварой стала обходить комнаты, чтобы убедиться, что все собрано и дом можно с чистой совестью оставить.

Софья то и дело выглядывала в окна, на дорогу, по которой по ее разумению должны были вот-вот приехать посланцы царского двора. Солнце уже всю освещало землю, народ выползал на улицу, но стрельцы так и не появились.

– Опаздывают! – мяла Софья руки. – Что-то случилось, видно.

Обычно собранная и серьезная, она удивляла своей взволнованностью.

Наконец, карета в сопровождении четырех красивых всадников в красных кафтанах подъехали к дому. Пока слуги укладывали сундуки, Софья пригласила стрельцов в дом и накормила, ласково расспрашивая их о дороге. Варваре и самой хотелось послушать, что они скажут, но на глазах у барыни отлынивать не получалось, и она уловила только отрывки из разговора серьезных молодцов.

Когда все было готово, Софья поклонилась отчему дому, дала последние наставления оставшимся слугам и вместе с Варварой залезла в повозку.

– Сколько нам ехать, барыня? – спросила Варвара, сама удивляясь своему хладнокровию.

– К ночи будем, – ответила Софья, глядя в окно на удаляющееся село. Но хозяйка ее была в своих думах: она смотрела и не видела. Варвара же собиралась смотреть на луга и поля не сейчас, а, получается, ближе к закату. Когда их путешествие будет подходить к концу. Тогда как только она увидит разлив какой-нибудь реки, она предложит барыне искупаться после тяжелой дороги, чтобы не появляться в Старгороде в дорожной пыли и поту. Утром все мысли Варвары возвращались к одному: “Надо отвести ее в укромный уголок. Но под каким предлогом увести ее от солдат?” Увидев, как Софья пыталась прихорашиваться, решение само к ней пришло.

В кармане у нее лежал ножичек, полученный от Бабы Яги и ждавший своего часа. Все было наготове.

– Полно, Софья Дмитриевна, ведь как хорошо все для Вас сложилось, – сказала Варвара и не узнала своего голоса, таким слащавым он ей показался.

Софья долго ничего не отвечала, но потом призналась:

– Мне снился сон. Кошмар. Я переезжала дорогу по мосту, а ведь это...

– К смерти – так бабы говорят, – закончила Варвара, и Софья дико на нее взглянула. – Да вы не слушайте, барыня. Что они знают, старые тетери? Я и сама-то что говорю...

Как назло именно в этот момент повозку качнуло, и Софья вскрикнула:

– Это был мост, мост?!

– Нет, нет, Вы что!

Но выглянув, Варвара увидела, что они и вправду только что переехали через мост.

– С хозяйкой все хорошо? – крикнул стрелец с седел.

– Едва! – крикнула в ответ Варвара. – Не мешки чай везете!

– Ну я тебя!...

Но Варвара уже спряталась в карете.

– Вот и еще один знак, – смирившимся голосом сказала Софья.

– Ну что Вы, сударыня, все изводите себя, никакой это был не мост, а кочка, – сказала Варвара, но почувствовала, что сердце у нее тоже бухало. – Или Вы, может, боитесь, что царь недобр? – повернулась она к Софье.

Об этом стоило узнать раньше, чем позже.

– Молчи, глупая, – тут же пришла в себя Софья. – О царе говоришь.

Больше она ничего не сказала. Спугнула, рано слишком спрашивать начала.

Варвара притворилась, что задремала.

Из-под полуприкрытых ресниц она смотрела на белые ручки хозяйки, которые та по-барски сложила на коленях, на ее длинные пальцы в кольцах. "А ведь и я жду, как меня ко двору представят, как и она сейчас ждет, а я совсем не боюсь! А ведь я не только этого жду!"

Сердце ее загромыhalo от такой мысли.

Наконец, поля за окном из золотых сделались красноватыми, жара спала, и Варвара пред-ложила:

– Мы проезжаем реку, почему бы нам не искупаться пока до города еще время есть?

Софья посмотрела на нее, нахмурилась и кивнула. Она очень боялась, как ее примут при дворе.

Хозяйка окликнула стрельцов и велела им остановиться, чтобы она могла сходить освежиться. Те с раздражением выслушали ее требование, но перечить не стали, и вскоре Софья с Варварой удалились к берегу реки Тешны, скрывшись там в зарослях от нежелательных взглядов. Красноватые лучи закатного солнца пробивались сквозь насыщенную августовскую листву и окрашивали все рыжеватым цветом. Трава была удивительно густой и мягкой. Вода весело журчала у ног.

– Барыня, да вы гляньте, как в зеркале себя видишь! – всплеснула руками Варвара и посторонилась, чтобы пропустить Софью. Та лениво, устало приблизилась к краю, но вдруг замерла, взгляд ее за что-то зацепился, она стала с осторожностью и даже какой-то обеспокоенностью поправлять на себе платье и косу. Не давая себе времени одуматься, Варвара одним широким шагом приблизилась к ней и ударила ее ножом в узкую спину. Софья охнула и обмякла на руках у служанки.

Варвара аккуратно опустила ее на землю и, охваченная непонятным отвращением перед этим неподвижным почти что спящим телом, отступила на пару шагов назад и обтерла ладони о подол платья. Она думала, что подол станет насквозь красным, но на нем не осталось и капли. С мыслью об охране, которые должны будут свершить над ней свой суд, если найдут ее в таком положении, Варвара опустила на колени перед телом и, обдуваемая ветром, идущим от воды, вынула нож из спины. Кровь не пошла и тогда, и Варвара перевернула тело на спину и почти вслепую сделала надрез на лице убитой, как учила ее Яга. Потом она достала из-за пазухи белоснежный платок, обвязала его вокруг лезвия, подождала немислимо долгие секунды и, боясь всего, наинула платок себе на лицо. Темнота захватила ее мир, она зажмурилась крепко-крепко, а потом одним сильным движением отбросила платок и посмотрела на себя в воду. Оттуда глядела испуганная Софья.

Волна облегчения накрыла ее, пересилив даже отвращение. Без каких-либо зазрений она сняла с бывшей хозяйки платье, кольцо и, колебавшись лишь секунду, сбросила тело в бурную реку. Поток унес его почти мгновенно, похоронив под волнами то, что должно было быть погребено. Только раз посреди реки промелькнула над поверхностью голая ступня и исчезла – навсегда.

Варвара быстро оделась в хозяйкино платье, а свой крестьянский сарафан забросала ветками под кустом. Нож она спрятала за пазухой, не желая оставаться без него, и со всех ног побежала к стрельцам.

Те встретили ее на полпути, привлеченные криками “Упала! Она упала!”. С ружьями наперевес, злые и раздраженные, они напугали ее так, что ей на секунду захотелось броситься от них в другую сторону.

– Да кто упала?! – рявкнул тот, что стоял ближе всех.

– Служанка, – выдохнула Варвара.

– Тьфу, служанка! – плюнул тот же. – Нам одна ты нужна, на кой нам служанка.

Двое других согласились посмотреть место, где все произошло.

– Течение сильное, – сообщил один, а другой зашел в воду и оттуда покачал головой. – Тела не видно, значит, далеко унесло. Все уже – конец. Придется Вам пока без служанки.

Они проводили ее до кареты, и она, так редко плакавшая, не знала, были ли слезы на ее щеках по причине облегчения или из-за чего другого.

Софья. 4 глава

Сначала она заметила тишину.

Было ещё и очень темно – но это ничто сравнению с тишиной. Тишиной, которая слышна между двумя ударами хлыста, падающего на спину лошади, или между двумя ударами колокола.

Она тонула, а небо было высоко-высоко над нею, прямо над нею и становилось все меньше, а его красноту заменяла чернота, которая разрасталась из углов и заполняла собой все пространство. Она чувствовала отдаление тепла так же ясно, как приближение холода.

А потом женский смех. Со всех сторон, непрекращающийся, громкий, звонкий.

Она чувствовала, как холодные пальцы расплетали ее косу, щипали за бока, а она все опускалась вниз. Ее крутили, как игрушку, и, не переставая, смеялись.

Скоро на ней осталась одна сорочка, а распущенные волосы стояли вверх столбом, пока она уходила вниз.

Когда ноги ее ударились о дно, а волосы разлетелись по плечам, она огляделась, и вокруг нее парили девушки в белом.

– Теперь ты с нами, сестрица, – сказали они, и Софья вспомнила свое имя.

xxxx

С хохотом и свистом девушки в белых сорочках и с распущенными волосами взяли ее за руки и потащили за собой сквозь гущу воды. Они плавали так ловко, будто им это ничего не стоило, а их пятки только и делали, что сверкали, когда они заплывали вперед. То и дело Софье тыкали на длинноносых шук, на вылезающих из своих хаток бобров, на стайки рыб и дремучие водоросли, пока одна русалка громко не захлопала в ладоши, не остановила всех и не предложила показать их чертоги. Все наперебой одобрили и повели новую сестрицу в другую сторону от затонувшей лодки, которую до этого восхваляли. Софья могла только смотреть, куда указывали, но понимать их не понимала. Ей было очень тяжело, спина болела, щеки горели как в жгучий мороз, и она с радостью отдала себя в руки других, не задаваясь вопросами.

– Только взгляни на наши чертоги! – говорила одна девица в искреннем восторге. – Мы их сами построили, все приносили что могли: раковину или камень какой.

– И из других рек, и с берега приносили. Даже у живых отбирали, если у них было что брать, – добавила другая, уже спокойнее.

– Берег? – спросила Софья хрипло, вспоминая что-то. Свое отражение в воде, в испуге сдвинутые брови, движение сзади и всплеск, холод, темноту.

– Мы и на берег ходим и куда нам вздумается, – фыркнула девица, невольно привлекающая внимание черноволосой гривой и длинной сорочкой, расшитой золотой ниткой. Она заплывала вперед остальных и даже не обернулась на Софью, отвечая ей.

– Но зачем суша, когда тут так красиво! – воскликнула первая, радостная русалка, и перед ним выступил огромный, вырастающий из низины шалаш, сложенный из стволов деревьев, увитый водорослями, спаянный глиной, изукрашенный то тут, то там блестящими камнями. Софья обомлела, глядя на это дикое сооружение.

Ее потащили внутрь. Почти сразу, не услышав от нее надлежащий восторг, русалки потеряли к ней всякий интерес и расплылись кто куда. Софья осталась перед грудой камней, одни из которых были простой галькой, а другие ценнее многих из тех, что ее отец привозил из заморья.

– Нравится? – подплыла к ней та, что нагло отвечала снаружи. – Ты лучше глянь наверх. Вот там камень так камень! Я принесла. Из дворца морского царя Буна. Нет такого камня ни в какой реке, кроме как в Тешне, ибо я одна посмела заплыть в море.

Это грубое имя пробудило ее от морока, который нашел на нее под водой.

– Ты знаешь владыку Буна?

– О нем всякий слышан. И чем больше знают, тем меньше хотят его встретить.

– Так он страшен?

– Для тех, кто пуглив, – высокомерно ответила девица. – Тебя бы я с собой не взяла.

– Это почему же?

– Да ты бы видела, как ты побледнела! Хочешь, расскажу, какой он вблизи?

– Скажи.

– Старый и плешивый, – с увлечением начала девица, – и с огромным животом. Он никогда не покидает своего дворца, поэтому так толст, мы же плаваем повсюду, поэтому так стройны. Голос его что труба гремит. И со всего синего моря со дворца к нему сплываются фараонки, чтобы ублажить и послушать владыку. Его дворец – это дворец, наш с ним рядом поставить – грязь, чего уж тут. За отрадное право жить там и быть ему прислужницей, фараонки приплывают со всех концов его моря. Ведь надо-то немного – бороду причесывать, ступни гладить... ну и всякое. Ты, моя дорогая, не волнуйся – справишься.

Софья дала ей пощечину со всей мочи. Голова девицы отлетела в сторону, она дико взглянула на Софью круглыми яростными глазами, которые, однако, хитро сузились, и русалка рассмеялась.

– А ты резвая! Люблю таких. Ты на меня обиду не таи, я обидеть не хотела. Проверить только хотела, какая ты по характеру. Меня Акулиной зовут.

– Софья.

– А тебя, Софья, по лицу били не ладонью, а чем-то посерьезнее.

– О чем ты?

– Порезы твои. Странные они, кривые. Ведьмины пакости, это и я вижу. Пойдем. Я покажу тебя той, кто в этом разбирается.

xxxx

Русальи хоромы состояли из десятков полукруглых пещер, вход в которые прикрывали широкие занавески, связанные из водорослей. В одну из таких красавица Акулина и завела Софью, объясняя, что там живет ее добрая подруга Ульяна, бывшая при жизни дочерью ученого мужа и знахаря. Она с детства была научена, что будет с теми, кто с ведьмой свяжется или в омут прыгнет. И все равно прыгнула.

Ее комната была уютно обустроена под стать тем, что остались на земле, и она сразу предложила Софье присесть на моток соломы, собранный в углу, из которого получилось на удивление мягкое и удобное сидение. Сама она устроилась рядом, а Акулина – не любительница тихих посиделок, как заключила Софья, – осталась парить перед ними да вокруг вещей Ульяны: трав, склянок, кухонной утвари, прицепленных за тонкие листья водорослей к стенам.

У худой и низкорослой Ульяны были тонкие черты лица, почти прозрачные руки и ноги. Прямые каштановые волосы спадали на ее узкие плечи. Казалось, в толпе ее могли и не заметить, но взгляд Ульяны был внимательным, а движение решительными.

– Я прошу прощения, что не встретила тебя, – ласково начала хозяйка. – Надеюсь, наши девушки не были слишком грубы к тебе, когда ты только пришла к нам.

– Они были очень милы.

– И все объяснили?

– Они решили, что ты разбираешься в этом лучше других.

– О, – сказала Ульяна, с неодобрением глянув на пожавшую плечами Акулину. – Неужели? И правда мило с их стороны. Но ведь ты... – она обеспокоенно наклонилась к Софье, – поняла, где мы находимся?

– На речном дне. И вы русалки, утопленницы.

– Вы! – хохотнула Акулина. – Тебе придется многое ей объяснить, Уля.

– Молчи! – прикрикнула Ульяна на Акулину и повернулась к Софье: – Ты права... Но я не спросила, как тебя зовут?

Обе представились.

– Русалки – такие, как мы, – начала Ульяна, и Софья поняла, что не в первый раз она ведет подобные речи, – родятся из тех, кто принял насильственную смерть в воде или у воды. Кто себя погубил или кого погубили другие. Мы обитаем под водой, но можем и на сушу выйти, это не возбраняется. Ты еще при жизни своей слышала, наверное, о русалках и о том, как человек их встречал?

Софья слышала, что такие встречи много горя приносили живым. Ульяна поняла ее мысль и со вздохом кивнула.

– Всякие среди нас бывают. Некоторые злобу затаивают на живых. Но и живые к нам не добры, поэтому будь настороже.

– А фараонки – кто это?

– Фараоны – так правильно. Русалки, что живут на дне морском. У них нет ног, как у нас, а хвосты рыбы.

– И служат они владыке Буну?

– Многие из них служат... – признала Ульяна. – Но есть и другие.

– Ты не спросила ее о порезах, – заметила Акулина, стоявшая в стороне.

– Она сама спросит, когда захочет, – резко ответила Ульяна.

– Нет, я хочу знать, – сказала Софья и сжала ее руку. – Что со мной случилось?

Ульяна, взглядом попросив разрешение, дотронулась до порезов. Ее пальцы решительно поворачивали голову Софьи, чтобы осмотреть рану.

– Ведьма собрала твою кровь ритуальным ножом. Если она решила сделать порезы на лице, а не на руке, где сподручнее, то цель у нее была одна: украсть твое лицо, то есть принять твой облик, Софья.

– Вот значит как! – воскликнула Софья, все поняв до конца. В ней поднялась такая злоба, которая заполнила до пределов и ее плечи, и глаза, и скривившиеся гримасой губы, и пальцы, сжавшиеся в кулаки, и каждую частицу ее тела. Она вся вспыхнула этой новой силой.

– Ты такая важная особа? – спокойно поинтересовалась Акулина, когда Ульяна взглядом попросила ее вмешаться.

– Царь выбрал меня себе в жены.

– Аааа... – протянула Акулина, как будто это было обычное дело. Софья оскорбленно на нее посмотрела, и Акулина подняла руки, как бы сдаваясь. – Тогда это мог быть кто угодно.

– Нет, – возразила Софья с твердостью. – Я знаю, кто это сделал. Моя служанка, девица Варвара.

Варвара

Варвара. 5 глава

Варвара откинулась на спинку сиденья и прикрыла глаза. Карета торопливо скакала по ухабам, и ее подбрасывало вместе с ней.

Изящные белые руки, которые она выставляла перед собой, принадлежали Софье Дмитриевне. На грудь ее падала золотая коса Софьи Дмитриевны. И страх Софьи Дмитриевны сделался ее страхом.

Забрав хозяйкино лицо, она забрала и ее слабовольную душу, боящуюся взять то, о чем другие мечтали. Теперь и некогда невозмутимой Варваре было невозможно сидеть на шелковых подушках и думать, как бояре примут ее. Вдруг они разгадают ее тайну? Вдруг царь поймет? Ведь он знает ту, влюблен в ту – что же будет? Ведьм сжигают, топят и к конскому хвосту привязывают прежде, чем пустить в поле. Что с ней будет?..

Вопросы эти летали вокруг нее, как мошкара, и она сама же подначивала их, чувствуя, что чем больше она думает о грядущей опасности, тем меньше в ее голове места для мыслей об оставшемся в воде теле. Так было даже лучше. Те мысли сжались в комок и как будто исчезли под пластом того, с чем ей предстояло столкнуться. Главное было впереди, а не сзади. Она нырнула вперед со всей старательностью, на какую была способна.

Сразу же решимость подсказала ей, что о той другой царь ничего такого знать не мог, видел он ее всего раза три-четыре – он в красоту влюбился, а дальше-то он и не заглядывал. К любому характеру он теперь может привыкнуть, какой она ни представит, – даже в Варвариним собственный...

Да и Софья не больше нее знала. Несмотря на все свою ученость, Софья в Старгороде была лишь однажды и то на торговой улице, а уж о крепости и думать нечего. Нет, тут они были в равном положении. Для царей они все одно.

“Ничем не выдавать себя”, – решила она, перебирая в голове все моменты, в которые наблюдала Софью с ее царственным гостем. Было ли что-то эдакое в ее поведении? Вроде как нет, но все-таки некоторые жесты, слова она для себя приметила.

Варвара сама удивлялась своему хладнокровию.

Они въехали в шум и суету большого города, и ее, непривычную к таким размахам еще и под вечер, сперва ошеломило, но, едва оправившись от удивления, она приникла к окну и воровато из-за шторки стала наблюдать за бурной жизнью постоянно перемещающихся толп. Это был круговорот красок, о котором она и помыслить не могла в своем Батагове, где единственными цветами был коричневый от изб, зеленый от лугов и голубой от неба. Здесь же повсюду ходили женщины в пышных юбках и расшитых сарафанах, торговля, спешка, всадники, орудующие кнутом, чтобы кого-то уgomонить, а дома какие, не избы совсем, а дома – каменные, двухэтажные, белоснежные! Варвара чувствовала, как губы сами собой расплывались в восторженной улыбке. Куда было ее мечтам до этого города!

Ворота Старгородского Кремля открыли специально для них. Варвара трепетала. Она въезжала не гостей, а победительницей, и все равно ей было не по себе. Что будет? Раньше она так не боялась, не было чего бояться в ее простом и унылом существовании, жизнь перетекала из дня в день, как будто бы и не меняясь, а теперь все круто повернулось и жить стало красиво и опасно.

Неизвестный в красном бархатном кафтане в пол открыл дверцу и сказал:

– Следуйте за мной, сударыня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.